

Научная статья

УДК 343.268

doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.001

Особенности процесса установления факта психического расстройства в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние (XVIII – первая половина XIX в.)

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИКОВА

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, moms@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6661-6420>

Аннотация. В статье рассмотрен процесс становления и развития процедуры освидетельствования лиц, совершивших преступные деяния в состоянии психического расстройства. На основе анализа правового материала XVIII – первой половины XIX в. выявлены особенности данного процесса и определены характерные черты. Отмечается, что в XVIII в. целевой аудиторией, подлежащей освидетельствованию, являлись дворяне, не имеющие возможности нести государственную службу в силу наличия у них душевной болезни, к середине XIX в. освидетельствованию подлежали все социальные слои российского общества. Обозначены основные проблемы, с которыми был сопряжен данный процесс: поверхностность, обусловленная примитивностью установления факта болезни посредством опроса; отсутствие необходимых знаний и специалистов в сфере психиатрии; бюрократизм и формализм. Значительное внимание в работе уделено анализу указа от 8 июня 1815 г., который серьезным образом изменил процесс освидетельствования.

Ключевые слова: психическое расстройство; опрос; врачебная управа; губернская городская комиссия; Сенат.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Голикова О. А. Особенности процесса установления факта психического расстройства в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние (XVIII – первая половина XIX в.) // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 1 (25). С. 15–22. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.001.

Original article

Features of the Process of Establishing the Fact of a Mental Disorder in relation to Persons Who have Committed a Criminally Punishable Act (18th Century – the First Half of the 19th Century)

OL'GA A. GOLIKOVA

KI of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, moms@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6661-6420>

© Голикова О. А., 2024

Abstract. The article considers the process of formation and development of the procedure for the examination of persons who have committed criminal acts in a state of mental disorder. Based on the analysis of the legal material of the 18th – first half of the 19th centuries – the stage of its formation and development – the features of this process are revealed and characteristic features are determined. It is noted that in the 18th century the target audience to be examined were nobles who were unable to perform public service due to their mental illness, while at the middle of the 19th century all social strata of Russian society were subject to examination. The main problems associated with this process are outlined: superficiality due to the primitiveness of establishing the fact of illness through a survey; lack of necessary knowledge and specialists in the field of psychiatry; bureaucracy and formalism. Considerable attention is paid to the analysis of the decree of June 8, 1815, which seriously changed the examination process.

Keywords: mental disorder; survey; medical board; provincial city commission; Senate.

5.1.1. Theoretical and historical sciences (legal sciences).

For citation: Golikova O.A. Features of the process of establishing the fact of a mental disorder in relation to persons who have committed a criminally punishable act (18th century – the first half of the 19th century). *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 1 (25), pp. 15–22. doi 10.46741/2713-2811.2024.25.1.001.

Процесс освидетельствования душевнобольных, совершивших уголовное преступление, в российском государстве на протяжении своего существования претерпел значительную эволюцию. Следует отметить, что до XVIII в. все вопросы решались в рамках православной церкви, поскольку именно она занималась призрением и устройением жизни сумасшедших, опасных для общества. В XVIII в. ситуация начинает постепенно меняться. При Петре I принимаются два правовых акта, касающиеся установления Сенатом факта психического расстройства.

Процедуре освидетельствования подлежали безумные, или, как сказано в указе от 06.04.1722, «дураки» – лица, страдающие расстройством психики с самого рождения. Указ имел ярко выраженную социальную ориентированность, поскольку касался исключительно лиц дворянского происхождения. По мнению И. В. Константиновского, указ носил полицейский характер, преследуя цель поставить под контроль детей дворян, уклонявшихся от военной службы (была вероятность симулирования расстройства) [1, с. 41; 2]. В указе по этому поводу говорится, что «если человек дурак, из высших или низших чинов, и ни в науку, ни в службу не годится, необходимо об этом подавать известия в Сенат, который проводил освидетельствование» [3, с. 643].

О том, каким образом Сенату следовало выполнять поставленную задачу, сказано в указе от 06.12.1723. Единственным методом выступал опрос. Сенаторы задавали вопросы на различные темы бытового характера и принимали решение на основе полученных ответов [4, с. 184]. Кроме них никакие другие лица, тем более близкие к медицине, не принимали участия в постановке диагноза.

Установленный порядок был основным способом определения факта психического расстройства и сохранялся до середины XIX в.

Анализ указов Петра I 1722 и 1723 гг. позволяет выявить основные черты процедуры освидетельствования. Во-первых, все вопросы решались Сенатом; во-вторых, освидетельствованию подлежали только дворяне; в-третьих, наличие психического расстройства

устанавливалось на основании устного опроса; в-четвертых, причиной освидетельствования являлось уклонение от службы и небрежное отношение к имуществу; в-пятых, ответственность за первоначальное выявление болезни и доставка больных в Сенат возлагались на родственников.

Необходимо сказать, что цель петровских указов заключалась не в том, чтобы освободить имеющего проблемы с психикой дворянина от наказания за совершение им уголовно наказуемого деяния, заменив его на помещение в дом для сумасшедших, как, например, в XIX в., а в том, чтобы поставить под контроль государства несение дворянами службы и благосостояние их имений.

В XIX в. процедура освидетельствования претерпела значительные изменения и стала носить более прогрессивный характер. Развитие процесса освидетельствования умалишенных, совершивших общественно опасное деяние или уголовное преступление, в XIX в. условно можно разделить на два этапа – до и после судебной реформы 1864 г. В рамках данной работы мы рассматриваем первый этап – дореформенный период, поскольку именно в это время государство уделяло внимание установлению факта психического расстройства, делая процедуру доступной для различных слоев населения. Особое значение имело принятие указа от 08.07.1815 [5, с. 880], заложившего основу освидетельствования на местном уровне.

Особенностями дореформенного периода выступали: расширение социальной базы, то есть освидетельствованию подлежали все категории населения; деятельность специальной комиссии, на которую возлагалось осуществление данной процедуры на местном уровне; создание двухуровневой системы свидетельствования – комиссия в губернском городе и Сенат; привлечение медицинских работников в качестве членов местной комиссии; возможность помещения испытуемого на некоторое время под наблюдение врача для проведения дополнительного исследования; замена уголовного наказания на помещение в дом для умалишенных.

Процесс освидетельствования осуществлялся в два этапа. Первый заключался в деятельности созданной комиссии на уровне губернского города, которая занималась сбором необходимой информации о возможном психическом расстройстве и составляла заключение, направляемое в Сенат. Второй этап представлял собой непосредственное решение Сената, принимаемое на основе направленных материалов. Основным способом свидетельствования был устный опрос. После 1841 г. по решению Сената стало возможным использование письменных ответов, которые прикладывались к делу.

Указом от 08.06.1815 были регламентированы создание, состав и деятельность комиссии. Причина его появления была вызвана практической значимостью, так как Сенат не мог справиться с потоком поступающих обращений, к тому же сам механизм доставки лиц для освидетельствования был крайне не удобен.

Принятие указа дало возможность устанавливать факт психического расстройства в губернском городе, для этого при содействии Врачебной управы создавалась комиссия из основных должностных лиц губернии: губернатора, вице-губернатора, председателя гражданской палаты, губернского прокурора. В зависимости от социальной принадлежности испытуемого в состав комиссии входили дополнительные члены. Так, для освидетельствования дворян приглашался губернский предводитель дворянства и один или два уездных. В случае если речь шла о купце или разночинце, то приглашались городской голова и один или два члена от магистрата. Итогом работы комиссии было «несомнительное» решение, направляемое для утверждения в Сенат.

Процедура установления психического расстройства для крестьян, совершивших уголовное преступление, проводилась на основании указа от 23.04.1801 [6, с. 617] и была значительно проще. Поводом для его принятия послужил инцидент в Калужской губернии. Так, поврежденный в уме крестьянин Василий Пахомов совершил убийство своего дяди крестьянина Петрова и был предан суду как виновный. Однако следовало установить факт психического расстройства и предать крестьянина не суду, а поместить в дом безумных. Установление факта расстройства возлагалось на земскую полицию и врачебную управу, принимаемое решение не требовало утверждения в Сенате и было достаточным. Принятие указа дает основания не согласиться с мнением Ц. М. Фейнберг, утверждавшей, что освидетельствование и признание умалишенных крестьян, совершивших преступления, относится к 1830 г. [7, с. 461].

Важной особенностью проведения освидетельствования на местном уровне являлось то, что полномочия комиссии касались лишь умалишенных. Психиатрия XIX в. имела довольно скудные познания области душевных болезней, что на практике означало весьма условное выделение всего двух категорий душевнобольных – безумные и умалишенные. Разница между ними, как отмечает Ю. А. Левенштейн, заключалась в том, что безумие считалось врожденным заболеванием, а умалишенность – приобретенным [8, с. 493]. Безумные проходили освидетельствование в Сенате, а умалишенные – в комиссиях, действовавших в губернских городах на основании указа 1815 г. Такое деление непосредственным образом отражалось на процессуальной стороне вопроса.

Сложившаяся практика действовала до 31 мая 1835 г. [9, с. 685]. В 1835 г. Государственный совет отменил требование свидетельствовать слабоумных в Сенате, это означало, что с Сената снималась обязанность, предусмотренная петровскими указами по свидетельству «дураков», и все вопросы передавались в ведение губернской городской комиссии. С этого времени Сенат стал выносить только окончательное решение. С принятием указа вводилась практика заочной постановки диагноза, что не могло положительным образом отразиться на его точности и верности принимаемого решения.

Порядок, установленный указом от 08.07.1815, в целом сохранится до 1870-х гг. Несмотря на то что на протяжении этого времени принимается целая серия правовых актов, затрагивающих процесс свидетельствования, принципиальных изменений не произошло. В основном они касались состава комиссии. Например, указ Сената от 12.06.1830 [10, с. 526] в качестве членов предусматривал введение представителя от сиротского суда, мирового судьи, была возможна замена председателя окружного суда и прокурора на их заместителей. Состав комиссии мог быть расширен в зависимости от социального положения испытуемого и места его службы [9]. Так, например, председатель казенной палаты приглашался в случае, если речь шла о лице, служащем в этой казенной палате, а представитель от военного ведомства – если свидетельству подлежал дворянин, находившийся на военной службе.

С 1836 г. свидетельство разрешалось проводить по месту жительства или непосредственного пребывания в случае, если здоровье испытуемого не позволяло доставить его в губернский город. Разрешение распространялось на лиц дворянского происхождения, купцов, мещан, разночинцев. Для проведения процедуры создавалась комиссия, председателем которой было лицо равного социального положения с испытуемым [10, с. 226].

Некоторые изменения претерпела и процедура опроса. На основании решения Государственного совета от 18.02.1835 [9, с. 686] проводить освидетельствование лиц следовало согласно правилам, составленным медицинским советом. Правила применялись при

определении психического расстройства для лиц, которые в припадке сумасшествия совершили убийство, посягнули на свою жизнь или другого.

Установленный порядок не уделял особого внимания медицинскому заключению, которое давалось медиком, входящим в состав комиссии. Во время освидетельствования больного рассматривались и сравнивались ответы по заранее подготовленным вопросам. По итогу комиссия принимала один из трех потенциально возможных вариантов: положительный (болен), отрицательный (здоров), промежуточный (сомнительный). Первый принимался в том случае, если психическое отклонение явилось очевидным, второй – принимался по аналогичной схеме. Наибольшую трудность представлял третий вариант. Он возникал тогда, когда ответы испытуемого не были абсурдны и вызвали сомнения. При возникновении такой ситуации комиссия проводила голосование по вопросу – признать расстройство или отправить на дополнительное испытание.

Практика дополнительных испытаний не была закреплена законодательно, но имела широкое распространение в спорных ситуациях. Она заключалась в том, что испытуемого направляли на дополнительное медицинское наблюдение. Изначально эту процедуру стал использовать Сенат, когда не мог принять однозначного решения. Постепенно она перешла на местный уровень.

Подробное описание установления факта психического расстройства приводится А. Д. Любавским. Автором собраны разнообразные материалы касательно освидетельствования лиц, совершивших уголовные преступления в середине XIX в. Например, в деле «Об убийстве Тарасовым старухи» говорится, что во время проведения медицинского освидетельствования – ответов на вопросы, члены врачебной управы не нашли следов умственного расстройства, но его внешний вид говорил об обратном. Решением стала отправка на дополнительное испытание сроком на три месяца в томскую тюремную больницу.

В деле «О майоре Самойловиче, судимом за кражу часов у г. Муравьева» рассматривается случай, произошедший 22 марта 1862 г. Проживающий в г. Воронеже майор Самойлович пришел к Муравьеву и украл у него золотые часы. Во время разбирательства выяснилось, что в 1857–1858 гг. Самойлович дважды находился под наблюдением в приказе общественного призрения, так как обнаруживал признаки душевного расстройства. После каждого пребывания он проходил повторное освидетельствование и признавался здоровым.

Воронежский суд изучил все обстоятельства дела и предыдущие моменты, связанные с деятельностью Самойловича, провел неоднократный опрос, в результате чего особое присутствие губернского правления заключило, что Самойлович одержим слабостью памяти и ослаблением умственных способностей вследствие прогрессивного паралича. Воронежское губернское правление представило это дело на усмотрение Сената.

Насколько сложно могло проходить разбирательство, можно судить на основании дела об убийстве крестьянином Ананием Кузнецовым трех лиц. Согласно материалам дела 17 мая 1859 г. крестьянин деревни Миловки Уфимского уезда убил трех человек: любовницу, жену и сына. Во всем сознался. Рассмотрев обстоятельства дела, члены местной врачебной управы признали необходимым подвергнуть его трехмесячному испытанию в тюремной больнице под наблюдением врача.

В ноябре 1859 г. губернское правление освидетельствовало Кузнецова посредством устного опроса и пришло к выводу, что он вполне здоров. В свою очередь члены врачебной управы настаивали на том, что Кузнецов находится в состоянии психического расстройства, и требовали провести дополнительную экспертизу, по итогам которой пришли к вы-

воду, что Ананий совершил убийство в состоянии полного «умоиступления». Оренбургская палата уголовного суда, напротив, заключила, что Кузнецов предумышленно совершил деяния в состоянии полного здоровья. Начальник Оренбургской губернии, усмотрев противоречия между заключением врачебной управы и палатой уголовного суда, направил дело в Сенат [12, с. 20–62].

Одна из проблем установления факта психического расстройства заключалась в том, что на момент совершения деяния или проведения освидетельствования лицо находилось в разных психических состояниях. Об этом говорится в деле по поводу совершения нескольких краж неким В. Б. Как отмечает П. И. Ковалевский, преступник совершил несколько «странных краж», украв ненужные вещи, шаль, корзину с хламом, пустую бутылку, несколько пачек табака, немного бумаги. На месте совершения преступления он оставил свое платье, по которому его опознали и задержали. На допросе он объяснял, что бумагу украл, чтобы научиться писать (хотя сам умел читать, знал польский и латынь). Через некоторое время В. Б. пришел в себя, но ничего не помнил (ни своих действий, ни допросов). Свидетельствовавшие врачи признали, что на момент осмотра он был совершенно здоров, но в момент совершения краж – душевно больным [13, с. 49].

Приведенные примеры показывают сложности, возникавшие при установлении душевного расстройства, а также демонстрируют, насколько условным являлся факт медицинского освидетельствования, которому чиновники не уделяли должного внимания. Все это позволяет заключить, что деятельность комиссии, прежде всего, представляла собой деятельность административной инстанции, к верности решений которой можно относиться скептически. Основной причиной сомнений является метод опроса, не утративший своей актуальности еще с XVIII в. Современник происходивших событий Ю. А. Левенштейн верно отмечал, что сама процедура носила шаблонный характер, однако ей неукоснительно продолжали следовать, несмотря на массу проблем и недочетов [8, с. 521].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что на протяжении XVIII – первой половины XIX в. шел процесс становления и развития процедуры установления факта психического расстройства. Он был сопряжен с рядом трудностей, среди которых можно отметить формализм, заключающийся в том, что комиссия, неукоснительно следуя процедуре освидетельствования, игнорировала очевидные факты, не применяла новаторские формы и методы в своей работе, оставляя единственно верным способом опрос испытуемого. Как отмечали психиатры XIX в., данная система была крайне неэффективной, поскольку была чревата многочисленными ошибками и неточностями.

Отдельной проблемой являлось отсутствие специалистов в сфере психиатрии, которые могли бы оказать положительное влияние на процесс освидетельствования. В это время в нашей стране только шел процесс зарождения отечественной психиатрии.

Большим препятствием выступали разногласия между членами комиссии, возникающие в процессе освидетельствования. Как показала практика, они не были редким явлением. К сожалению, решающую роль играло мнение административных, а не медицинских органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каннабих Ю. В. Истрия психиатрии. М., 1994. 528 с.
2. Константиновский И. В. Русское законодательство об умалишенных, его история и сравнение с иностранными законодательствами // Труды первого съезда отечественных психиатров. СПб., 1887. С. 521–804.

3. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. VI: 1720–1722. 817 с.
4. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. VII: 1723–1727. 933 с.
5. Полное собрание Законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXXIII: 1815–1816. 1167 с.
6. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI: 1800–1801. СПб., 1830. 880 с.
7. Фейнберг Ц. М. Принудительное лечение и признание душевно-больных, совершивших преступление в дореволюционной России // Проблемы судебной психиатрии. Сборник пятый / под общ. ред. Ц. М. Фейнберг. М., 1946. С. 445–493.
8. Левенштейн Ю. А. По поводу некоторых статей русского законодательства об умалишенных // Труды первого съезда отечественных психиатров. СПб., 1887. С. 488–521.
9. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отделение 1. СПб., 1836. 880 с.
10. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. СПб., 1831. С. 526–527.
11. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. СПб., 1837. 893 с.
12. Русские уголовные процессы (казуистика душевных болезней) / сост. А. Д. Любавский. СПб., 1867. Т. 3. 789 с.
13. Ковалевский П. И. Судебно-психиатрические очерки. Варшава, 1896. 152 с.

REFERENCES

1. Kannabikh Yu.V. *Istoriya psikhiatrii* [History of psychiatry]. Moscow, 1994. 528 p.
2. Konstantinovskii I.V. Russian legislation on the insane, its history and comparison with foreign legislation. In: *Trudy pervogo s"ezda otechestvennykh psikhiatrov* [Proceedings of the first Congress of Domestic Psychiatrists]. Saint Petersburg, 1887. Pp. 521–804. (In Russ.).
3. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. VI: 1720–1722* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 6: 1720–1722]. Saint Petersburg, 1830. 817 p.
4. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. VII: 1723–1727* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 7: 1723–1727]. Saint Petersburg, 1830. 933 p.
5. *Polnoe sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. XXXIII: 1815–1816* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 33: 1815–1816]. Saint Petersburg, 1830. 1,167 p.
6. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. XXVI: 1800–1801* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Volume 26: 1800–1801]. Saint Petersburg, 1830. 880 p.
7. Feinberg Ts.M. Compulsory treatment and rehabilitation of mentally ill people who committed a crime in pre-revolutionary Russia. In: Feinberg Ts.M. (Ed.). *Problemy sudebnoi psikhiatrii. Sbornik pyaty* [Problems of forensic psychiatry. Collection 5]. Moscow, 1946. Pp. 445–493. (In Russ.).
8. Levenshtein Yu.A. Concerning some articles of Russian legislation on the insane. In: *Trudy pervogo s"ezda otechestvennykh psikhiatrov* [Proceedings of the first Congress of Domestic psychiatrists]. Saint Petersburg, 1887. Pp. 488–521. (In Russ.).
9. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. X. Otdelenie 1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 10. Section 1]. Saint Petersburg, 1836. 880 p.
10. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. V. Otdelenie pervoe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 5. Section 1]. Saint Petersburg, 1831. Pp. 526–527.

11. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XI* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 11]. Saint Petersburg, 1837. 893 p.

12. *Russkie ugovnyye protsessy (kazuistika dushevnykh boleznei). T. 3* [Russian criminal trials (casuistry of mental illness). Volume 3]. Comp. by Lyubavskii A.D. Saint Petersburg, 1867. 789 p.

13. Kovalevskii P.I. *Sudebno-psikhiatricheskie ocherki* [Forensic psychiatric essays]. Warsaw, 1896. 152 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИКОВА – **OL'GA A. GOLIKOVA** – Senior Lecturer at the старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, momsi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6661-6420> Department of State and Legal Disciplines of the KI of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, momsi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6661-6420>

Статья поступила 31.03.2023

